

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2026. № 2 (117). С. 115–128.
 Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026,
 vol. 117, no. 2, pp. 115-128.

**5.1.4. Уголовно-правовые науки
 (юридические науки)**

**Научная статья
 УДК 343.13**

**К ВОПРОСУ ОБ «ИНЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВАХ» В СВЕТЕ КОНЦЕПЦИИ
 ВНУТРЕННЕГО УБЕЖДЕНИЯ СУДА**

Брянская Елена Васильевна

Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Российская Федерация,
 veret.1976@mail.ru

Введение. В уголовном судопроизводстве сложилось однозначное законодательное определение доказательств. Согласно ч. 1 ст. 74 УПК РФ, «доказательствами по уголовному делу являются любые сведения, на основе которых суд, прокурор, следователь, дознаватель в порядке, определенном настоящим Кодексом, устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела»¹. Ч. 2 ст. 74 УПК РФ регламентирует законодательные виды доказательств, которые мы именуем «источниками доказательств». В частности, к ним относятся: «показания подозреваемого, обвиняемого; показания потерпевшего, свидетеля; заключение и показания эксперта; заключение и показания специалиста; вещественные доказательства; протоколы следственных и судебных действий; иные документы»². Проблема заключается в отсутствии в уголовно-процессуальной науке, оперативно-розыскной деятельности и в следственной, судебной практике согласованного и утвержденного мнения о процессуальной сущности оперативно-розыскных объяснений, специфики их внедрения в уголовно-процессуальную деятельность в свете процесса доказывания. До сих пор нет однозначных законодательных дефиниций, правовых процессуальных норм, которые помогли бы зафиксировать оперативно-розыскные объяснения в правоприменительной практике в качестве доказательств по уголовному делу.

Однако в силу исторически сложившейся концепции внутреннего убеждения при оценке доказательств, которая была сформирована на основе свободы судейского усмотрения, нами ставится вопрос: гарантирует ли законодатель такую свободу. В связи с этим приводятся доводы о необходимости расширительного и открытого перечня сведений, которые могут оцениваться в качестве доказательств.

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : УПК : принят Гос. Думой 21 ноября 2001 г. : одобрен Советом Федерации 5 декабря 2001 г. : послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 30 декабря 2025 г.).

² Там же.

Материалы и методы. Материалами и методами послужили исследования, монографические и научные периодические издания в виде научных статей ученых, нормы действующего законодательства, примеры судебной практики. В ходе исследования проведен анализ научных, нормативно-правовых источников, позиций Верховного Суда Российской Федерации, судебных решений судов первой, апелляционной, кассационной инстанций, использованы приемы обобщения позиций судов, а также сравнительно-правовой метод. Применялись теоретические положения диалектического материализма как общенаучного метода познания явлений и процессов. Использованы правила диалектики, которые имеют место в синтезированной мыслительной и практической деятельности в аспекте соотношения вероятного и достоверного, убедительного и неопровержимого. Формально-логический метод позволил раскрыть сущность взаимосвязи объяснений и доказательств. Исторический метод в сочетании с методом сравнительного правоведения позволил проанализировать положения Устава уголовного судопроизводства 1864 года, которые обусловили самобытное российское формирование внутреннего убеждения. Методика исследования включает ряд частнонаучных методов, в том числе методы системно-структурного, формально-юридического, логического и сравнительно-правового анализа. В целях приведения обоснованных доводов настоящего исследования применялись методы анализа, синтеза, посредством которых была изучена теоретическая и практическая часть использования оперативно-розыскного объяснения в целях оптимизации современного уголовного судопроизводства.

Результаты исследования. Результаты заключаются в анализе такого немаловажного оперативно-розыскного ресурса, как объяснение. В частности, вспоминая сущность концепции внутреннего убеждения суда, начиная со времен Устава уголовного судопроизводства 1864 года, приводим возможность в свете свободы судейского усмотрения по своему личному профессиональному мнению придать силу доказательства объяснениям, полученным как до возбуждения уголовного дела, так и на всех основных стадиях уголовного судопроизводства.

Выводы и заключения. Анализируя теоретические воззрения и следственную, судебную практику, полагаем, что объяснение – это процессуальное оформление взятых сотрудником органа уголовного преследования как до возбуждения уголовного дела при проверке сообщения о преступлении, так и в процессе расследования – опроса, имеющего информативное значение в рамках обстоятельств, подлежащих доказыванию по факту определенного деяния. Главной целью получения данных объяснений является получение достоверных сведений о факте содеянного, которые послужат важным процессуальным ресурсом на всех этапах процесса доказывания, с учетом необходимости проверяемости всех сведений по уголовному делу. На основании изложенного предлагаем возможность судьям использовать возлагаемую на их профессиональную деятельность свободу судейского усмотрения в рамках расширительного перечня источников доказательств, регламентируемых УПК РФ.

Ключевые слова: доказывание, объяснение, «иные доказательства», оценка доказательств, внутреннее убеждение, свобода оценки доказательств, судейское усмотрение

Для цитирования: Брянская Е. В. К вопросу об «иных доказательствах» в свете концепции внутреннего убеждения суда // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2026. № 2 (117). С. 115–128.

5.1.4. Criminal Law Sciences (Legal Sciences)

Original article

ON THE ISSUE OF "OTHER EVIDENCE" IN LIGHT OF THE DOCTRINE OF JUDICIAL CONVICTION

Elena V. Bryanskaya

St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, St. Petersburg, Russian Federation, veret.1976@mail.ru

Introduction. In criminal proceedings, a clear legislative definition of evidence has been established. Referring to Part 1 of Article 74 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, "evidence in a criminal case shall be any information on the basis of which the court, prosecutor, investigator, or inquiry officer, in the manner prescribed by this Code, establishes the presence or absence of circumstances subject to proof in criminal proceedings, as well as other circumstances relevant to the criminal case." Part two of this article regulates the legislative types of evidence, which we refer to as "sources of evidence." In particular, these include: "testimony of a suspect, accused; testimony of a victim, witness; expert opinion and testimony; specialist opinion and testimony; material evidence; protocols of investigative and judicial actions; other documents." The problem lies in the absence of a consistent and approved opinion in criminal procedure, operational investigative activity, and investigative and judicial practice regarding the procedural nature of operational investigative explanations and the specifics of their implementation in criminal procedure in light of the evidentiary process. There are still no unambiguous legislative definitions or legal procedural rules that would help establish operational investigative explanations as evidence in criminal cases. However, given the historically established concept of internal conviction in the evaluation of evidence, which was formed on the basis of judicial discretion, we raise the question: does the legislator guarantee such discretion? In this regard, we argue for the need for an expansive and open list of information that can be evaluated as evidence.

Materials and Methods. The materials and methods used in this study draw on the theoretical tenets of dialectical materialism as a general scientific method for understanding phenomena and processes. The rules of dialectics, which are present in synthesized intellectual and practical activity in terms of the relationship between the probable and the certain, the convincing and the irrefutable, are utilized. The formal-logical method allowed for the uncovering of the essence of the relationship between explanations and evidence. The historical method, combined with comparative law, allowed for the analysis of the provisions of the 1864 Charter of Criminal Procedure, which determined the unique Russian formation of internal convictions. The research methodology incorporates a number of specific scientific methods, including systemic-structural, formal-legal, logical, and comparative-legal analysis. To provide substantiated arguments for this study, methods of analysis and synthesis were employed, through which the theoretical and practical aspects of the use of operational-search explanations were examined to optimize modern criminal proceedings.

The Results of the Study. The results of this study analyze an important operational investigative resource—the explanation. Specifically, recalling the essence of the court's

concept of internal conviction, dating back to the 1864 Charter of Criminal Procedure, we discuss the possibility, in light of the judicial discretion, of granting the force of evidence, based on personal professional opinion, to explanations obtained both before the initiation of a criminal case and at all major stages of criminal proceedings.

Findings and Conclusions. Conclusions and Relevance: Analyzing theoretical views and investigative and judicial practice, we believe that an explanation is a procedural formalization of statements taken by a criminal prosecution officer, both before the initiation of a criminal case during the investigation of a crime report and during the investigation—questions that are informative within the context of the circumstances subject to proof regarding a particular act. The primary purpose of obtaining such an explanation is to obtain reliable information about the fact of the crime, which will serve as an important procedural resource at all stages of the evidentiary process, taking into account the need to verify all information in a criminal case. Based on the above, we propose that judges be given the opportunity to exercise the freedom of judicial discretion conferred upon their professional activities within the framework of an expanded list of sources of evidence regulated by the Criminal Procedure Code of the Russian Federation.

Keywords: proof, explanation, “other evidence”, evaluation of evidence, inner conviction, freedom of evaluation of evidence, judicial discretion

For citation: Bryanskaya E. V. K voprosu ob «inyh dokazatel'stvah» v svete koncepcii vnutrennego ubezhdeniya suda [On the Issue of "Other Evidence" in Light of the Doctrine of Judicial Conviction]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo institute MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026, vol. 117, no. 2, pp. 115–128. (In Russ.).

Представители уголовно-процессуальной науки годами ведут дискуссии на предмет правильного отнесения доказательства к конкретному источнику. К примеру, достаточно длительное время шли дискуссии о том, к какому источнику следует отнести криминалистический слепок от следа, собранный на месте совершения преступления: к вещественному доказательству или к иному документу. В то же время мы обратили внимание на то, что перечень законодательных источников доказательств закрытый и расширительному толкованию не подлежит. Однако Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ) регламентирует правила оценки доказательств и раскрывает, каким образом формируется внутреннее убеждение суда. Так, на основании ч. 1 ст. 88 УПК РФ «каждое доказательство подлежит оценке с точки зрения относимости, допустимости, достоверности, а все собранные доказательства в совокупности – достаточности для разрешения уголовного дела»³. В свете ст. 17 УПК РФ «судья, присяжные заседатели, а также прокурор, следователь, дознаватель оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, руководствуясь при этом законом и совестью. Никакие доказательства не имеют заранее установленной силы»⁴. Тогда возникает вопрос: а имеет ли судья право на свободу формирования внутреннего убеждения, если он ограничен формальными источниками доказательств.

³ Там же.

⁴ Там же.

Имеют место позиции, когда подчеркивается сущность внутреннего убеждения, выходящая за пределы действующего законодательства, когда есть «... немалое количество норм, которые подлежат применению судом по его внутреннему убеждению в отсутствие четких законодательно установленных критериев. Данные критерии вырабатываются судебной практикой, а также разъяснениями Верховного Суда Российской Федерации, однако зачастую они имеют очень общий и неопределенный характер»⁵.

В основе внутреннего убеждения заложено судебское усмотрение, под которым в уголовно-процессуальной науке понимается «деятельность суда в рамках осуществления им правосудия в рамках правосознания судьи в соответствии с принципами права и морали, в этом смысле усмотрение в каждом конкретном случае является экспериментом, где судья представлен как лицо, которое субъективно принимает решение в пределах полномочий» [1, с. 548]. Поддерживаемая позиция заключается в видении эксперимента в качестве подтверждения или опровержения определенной гипотезы. Гипотеза может быть предположением виновности или невиновности лица, а также возможности или невозможности оценить определенные сведения в качестве доказательства. В качестве гипотезы можно рассматривать объяснения, которые собираются оперативными сотрудниками. Следственная практика позволяет полагать, что объяснения сотрудников уголовного розыска, полученные до возбуждения уголовного дела, выступают ключевой информацией. Указанные объяснения могут возыметь доказательственное значение, а могут быть оценены всего лишь в качестве ориентирующей информации.

При решении вопроса о возбуждении уголовного дела следует выяснить, имеют ли место поводы и основания для вынесения постановления о возбуждении уголовного дела, с которого фактически начинается расследование по уголовному делу и течение всех процессуальных сроков. Оперативно-розыскная деятельность занимает важное место в выявлении поводов для возбуждения уголовного дела. «Возбуждение уголовного дела является квинтэссенцией уголовного преследования на этапе между проверкой сообщения о преступлении и предварительным расследованием. Официальное предварительное расследование, будь то предварительное следствие или дознание (сокращенное дознание), или неотложные следственные действия, не должно начинаться без возбуждения уголовного дела. Задачам возбуждения уголовного дела подчинена «доследственная» (осуществляемая до возбуждения уголовного дела) проверка» [2, с. 47]. Одним из решающих процессуальных документов, имеющих важное информационное значение, чаще всего по «горячим следам», когда в памяти опрошенных все произошедшее сохраняется в подробностях, является объяснение, взятое оперативным сотрудником, без участия которого фактически не обходится ни одно уголовное дело, относящееся к компетенции органов уголовного преследования.

Однако в настоящее время судебная практика формируется по пути придания объяснениям процессуальной силы всего лишь ориентирующей информации, которая помогает построить следственные версии. Тем не менее две фразы в ст. 74 УПК РФ дают возможность оценивать объяснения в качестве доказательств по уголовному делу: «иных

⁵ Нагорная М. Конституционный Суд отклонил жалобу на порядок пересмотра судебных решений с целью улучшения положения осужденного // Адвокатская газета : сайт. <https://www.advgazeta.ru/novosti/ks-otklonil-zhalobu-na-poryadok-peresmotra-sudebnykh-resheniy-s-tselyu-uluchsheniya-polozheniya-osuzhdennogo/> (дата обращения: 30 декабря 2025 г.).

обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела» (ч. 1 ст. 74 УПК РФ) и «иные документы» (п. 6 ч. 2 ст. 74 УПК РФ). Следовательно, задумываясь о том, что оценивается в качестве доказательств и каким образом, можно вспомнить концепцию внутреннего убеждения, которая нашла свое развитие со времен принятия Устава уголовного судопроизводства 1864 года, когда отменялась формализация доказательств и преимущество одного перед другим в силу имущественного, полового и социального ценза, как это было в части личных доказательств. Например, показаниям сословных мужчин отдавалось большее предпочтение, чем показаниям, данных лицом женского пола [3, с. 299]. Думается, в силу такой исторической преемственности все большее значение должна приобретать свобода судейского усмотрения, но такая, которая должна всегда сопровождаться обоснованием выводов.

В этой связи заметим, что ст. 11 УПК РФ позволяет использовать результаты оперативно-розыскной деятельности при следующих условиях: «Результаты оперативно-розыскной деятельности могут служить поводом и основанием для возбуждения уголовного дела, представляться в орган дознания, следователю или в суд, в производстве которого находится уголовное дело или материалы проверки сообщения о преступлении, а также использоваться в доказывании по уголовным делам в соответствии с положениями УПК РФ, регламентирующими сбор, проверку и оценку доказательств, и в иных случаях, установленных» [3, с. 299].

В недавнем прошлом «относительно допустимости высказался высший орган конституционного контроля России. Конституционный Суд Российской Федерации в определении от 19 декабря 2017 г. № 2810-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб гражданина Давлетова Андрея Юрьевича на нарушение его конституционных прав статьей 89 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» в очередной раз подчеркнул, что результаты оперативно-розыскной деятельности являются не доказательствами, а лишь сведениями об источниках тех фактов, которые, будучи полученными с соблюдением требований закона об оперативно-розыскной деятельности, могут стать доказательствами только после закрепления их надлежащим процессуальным путем. Отсюда можно заключить, что не все свойства доказательств применимы к результатам оперативно-розыскной деятельности» [4, с. 57].

Думается, авторы ставят под сомнение применение к результатам оперативно-розыскной деятельности такого свойства, как достаточность и допустимость. В то же время гарантией возможности использования объяснений в общей системе доказательств является внутриведомственная Инструкция о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд (далее – Инструкция), согласно которой в п. 4 предусмотрено следующее: «уполномоченным должностным лицам (органам) представляются результаты оперативно-розыскной деятельности, которые соответствуют установленным настоящей Инструкцией требованиям и могут: служить поводом и основанием для возбуждения уголовного дела; быть использованы для подготовки и осуществления следственных и судебных действий, предусмотренных УПК РФ; использоваться в доказывании по уголовным делам в соответствии с требованиями уголовно-процессуального законодательства, регламентирующими сбор, проверку и оценку доказательств». В п. 20 Инструкции прописано, что результаты оперативно-розыскной деятельности, представляемые для использования в доказывании по уголовным делам, должны позволять формировать

доказательства, удовлетворяющие требованиям уголовно-процессуального законодательства, предъявляемым к доказательствам в целом, к соответствующим видам доказательств; содержать сведения, имеющие значение для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, указания на оперативно-розыскные мероприятия, при проведении которых получены предполагаемые доказательства, а также данные, позволяющие проверить в условиях уголовного судопроизводства доказательства, сформированные на их основе»⁶. Из вышеизложенного следует, что к объяснениям предъявляются большие требования, чем к процессуальным доказательствам. Они должны отвечать не только требованиям относимости, допустимости, достаточности и достоверности, но и проверяемости. Так, можно согласиться с авторами, которые пишут следующее: «Представляется, что необходимо оформлять результаты опроса в виде объяснения с последующим получением подписи опрашиваемого лица, а при отсутствии такой возможности должны быть подписи присутствовавших при опросе лиц, так как в этом случае появится возможность приобщения к материалам уголовного дела как объяснения, так и записи, полученной при проведении оперативно-розыскных мероприятий» [5, с. 89].

Несмотря даже на то, что оперативным объяснениям предъявляется больше требований, чем законодательным источникам доказательств, однако, поскольку в соответствии с ч. 1 ст. 74 и ч. 1 ст. 86 УПК РФ доказательство следует рассматривать как сведения, полученные уполномоченным должностным лицом процессуальным путем, то есть путем производства следственных и иных процессуальных действий, предусмотренных УПК РФ, в форме, указанной в ч. 2 ст. 74 УПК РФ, напрашивается вывод о том, что информация, полученная оперативным путем, то есть объяснения, принципиально отличается от доказательств. Вместе с тем в соответствии с правовой позицией Конституционного Суда Российской Федерации нормы Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» не регламентируют уголовно-процессуальные правоотношения, а потому и отношения, связанные с получением, проверкой и оценкой доказательств⁷.

Таким образом, если соблюдаются предусмотренные условия, соответствующие объяснения могут выступать в качестве доказательств. При этом приобретение указанными результатами характера доказательств возможно лишь в случае, если проводятся предусмотренные УПК РФ процессуальные и следственные действия. Виды доказательств,

⁶ Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд : приказ МВД России, Министерства обороны РФ, ФСБ России, Федеральной службы охраны РФ, Федеральной таможенной службы, Службы внешней разведки РФ, Федеральной службы исполнения наказаний, Федеральной службы РФ по контролю за оборотом наркотиков, Следственного комитета РФ от 27 сентября 2013 г. № 776/703/509/507/1820/42/535/398/68 // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов : сайт. URL: <https://docs.cntd.ru/document/499048956?marker=6500I> (дата обращения: 30 декабря 2025 г.).

⁷ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Гусака Александра Юрьевича на нарушение его конституционных прав пунктом 8 части первой статьи 6, статьей 7 и пунктом 1 части первой статьи 15 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» : определение Конституционного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 1507-О // Консультант Плюс : сайт. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=432681#RzG4AGVbzOthclp6> (дата обращения: 30 декабря 2025 г.). Режим доступа: для зарегистрированных пользователей.

в которые могут быть преобразованы объяснения, ограничено установлены уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации. В ч. 2 ст. 74 УПК РФ приведен исчерпывающий перечень видов доказательств, в которые могут быть преобразованы объяснения: либо показания, либо иной документ. Органы предварительного расследования, получив объяснения, должны определить круг необходимых следственных (процессуальных) действий, проведение которых позволит сформировать на основе представленных объяснений уголовно-процессуальные доказательства. Как правило, это следующие процессуальные действия: допрос в качестве определенного участника либо допрос оперативного сотрудника, взявшего оперативные объяснения, то есть того оперативного сотрудника, который производил опрос.

Несмотря на то, что современное уголовное судопроизводство направлено на оптимизацию, сокращение процессуальных сроков, тем не менее не все судьи опросу в виде объяснений придают доказательное значение. Однако по своему содержательному признаку объяснения бывают порой более полными, чем данные через год – два после случившегося преступного деяния свидетельские показания в более сокращенной форме в связи с истечением времени и стирания в памяти допрашиваемого лица сведений по делу в силу его индивидуальных особенностей.

В этой связи возникает новый предмет для обсуждения: всегда ли опрос должен быть подкреплён допросом, тем более если после полученных объяснений проходит определенное время и информация в силу физиологических особенностей утрачивается в памяти человека? В тех ситуациях, когда объяснение берется «по горячим следам» и опрос не требует участия в отношении очевидцев преступления, пострадавшего обеспечения права на защиту, стоит ли объяснения дублировать допросом?

Во всех случаях объяснение должно быть подкреплено таким следственным действием, как допрос. Однако УПК РФ не регламентирует, точно ли объяснение должно быть подкреплено именно производством допроса, а может быть, целесообразнее очной ставкой или проверкой показаний на месте. Возможна такая ситуация, когда следователь изучает объяснение и понимает то, что объяснение одного свидетеля противоречит объяснениям другого свидетеля. В указанных обстоятельствах есть ли необходимость во всех случаях именно допросить данных лиц или целесообразно сразу же провести между ними очную ставку. Тем не менее в соответствии с УПК РФ очная ставка проводится в тех случаях, когда в ранее данных показаниях информация противоречит показаниям других участников. Тогда следует задать вопрос: в процессе каких мероприятий получаем не просто сведения, информацию, а именно показания. Как видим, допросом именуется сведения, полученные от определенного лица. В результате анализа понятия «объяснение» мы не увидим ни самого законодательного определения, ни легального именованья их показаниями. Можем ли мы после полученных объяснений оперативным сотрудником уже после возбуждения уголовного дела сразу же провести проверку показаний на месте происшествия? Такой механизм в УПК РФ также не прописан, поэтому практика выработала следующее правило, что после полученных объяснений по делу следователь обязан подкрепить эти объяснения процессуальными действиями, однако изложенные нами выше вариации в данное время в УПК РФ подробно не расписаны.

УПК РФ не может носить характер инструкций, но в то же время хотелось бы, чтобы законодатель был более прозрачным, предсказуемым для правоприменителя,

поскольку все доказательства оцениваются на основе внутреннего убеждения судьи, своего представления о правомерности производства тех или иных действий, которые должны соответствовать актуальным законам. Однако закон таков, что его можно толковать по-разному. Имеют место примеры из практики, когда объяснение получено, но нет возможности данное лицо, которое давало объяснение по делу, позже допросить: «например, когда опрошенный свидетель скончался и его не успели допросить, а также не подкрепили данные сведения иным следственным действием. По нашему мнению, на законодательном уровне можно предусмотреть возможность вынесения постановления следователя о придании сведениям, полученных оперативно-розыскным путем, процессуальной силы доказательств» [6, с. 52]. В указанных ситуациях имеет место придание объяснениям значения такого источника доказательств, как «иной документ». В то же время представители Верховного Суда Российской Федерации полагают: «Какие бы заявления ни делал или объяснения ни давал гражданин до возбуждения уголовного дела, они не приобретают статуса допустимого доказательства, поскольку не заменяют показаний, полученных на допросе» [7, с. 32].

Позиция Конституционного Суда Российской Федерации следующая: «результаты оперативно-розыскных мероприятий являются не доказательствами, а лишь сведениями об источниках тех фактов, которые, будучи полученными с соблюдением Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», могут стать доказательствами только после закрепления их надлежащим процессуальным путем»⁸.

Вместе с тем существует более позднее определение Конституционного Суда Российской Федерации, в котором предусмотрена позиция, дающая возможность оценивать объяснения в качестве «иного документа», но с соблюдением требований норм, определяющих порядок собирания, проверки и оценки доказательств в уголовном судопроизводстве, в частности, ст. 75, 86, 87, 88, 234 и 235 УПК РФ⁹. Однако объяснения получают значение «иного документа» как источника доказательств при условии допроса оперативного сотрудника, который брал данные объяснения на стадии возбуждения уголовного дела. Только при условии подкрепления показаниями оперативного сотрудника данная информация приобретет значение доказательства. В суде оперативного сотрудника есть возможность допросить в качестве свидетеля на предмет ранее полученных им объяснений. Тем не менее данный алгоритм действий законодательно не урегулирован и носит характер прецедента.

Необходимо обратить внимание на то, что имеет место следующая судебная практика, которая подтверждает данный алгоритм несостоятельным: «В соответствии с

⁸ По жалобе граждан М. Б. Никольской и М. И. Сапронова на нарушение их конституционных прав Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности»: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 4 февраля 1999 г. № 18-0 // Гарант.ру: сайт. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/12016636/> (дата обращения: 30 декабря 2025 г.).

⁹ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Жудина Сергея Семеновича на нарушение его конституционных прав пунктом 6 части второй статьи 74, пунктом 1 части третьей статьи 413 и положениями главы 40 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 28 мая 2013 г. № 723-О // КонсультантПлюс: сайт. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=338155#u9VMAGVM0WeJwoBJ1> (дата обращения: 30 декабря 2025 г.). Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.

положениями ч. 1 ст. 75 УПК РФ доказательства, полученные с нарушением требований УПК РФ, являются недопустимыми, не имеют юридической силы и не могут быть положены в основу обвинения, а также использоваться для доказывания любого из обстоятельств, предусмотренных ст. 73 УПК РФ. Как следует из приговора, в подтверждение виновности В. суд сослался на объяснение осужденного от 8 июля 2019 г. и показания сотрудника полиции, отобравшего данные объяснения, об обстоятельствах совершения осужденным хищения имущества потерпевшего из угнанной автомашины и его реализации. К недопустимым доказательствам п. 1 ч. 2 ст. 75 УПК РФ относит показания подозреваемого, обвиняемого, данные в ходе досудебного производства по уголовному делу в отсутствие защитника, включая случаи отказа от защитника, и не подтвержденные подозреваемым, обвиняемым в суде. В ходе судебного разбирательства В. вину в совершении кражи не признал, данные, изложенные в объяснении, не подтвердил. Судебная коллегия исходит из того, что, поскольку объяснение от 8 июля 2019 года было дано В. в отсутствие защитника, права, предусмотренные ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ, в том числе право не свидетельствовать против самого себя, а также право пользоваться услугами адвоката, разъяснены не были, указанное объяснение подлежит исключению из числа доказательств, подтверждающих виновность В. как недопустимое средство доказывания. По смыслу закона следователь, дознаватель могут быть допрошены в суде только по обстоятельствам проведения того или иного следственного действия при решении вопроса о допустимости доказательства, а не в целях выяснения показаний допрошенного лица. Поэтому показания этой категории свидетелей относительно сведений, о которых им стало известно из бесед либо во время допроса подозреваемого или обвиняемого, не могут быть использованы в качестве доказательств виновности осужденного. Таким образом, следует признать, что суд, мотивируя свой вывод о виновности В., сослался в том числе и на показания свидетеля – сотрудника полиции, которые, в части фактических обстоятельств преступления, являются недопустимыми доказательствами. Данные обстоятельства не были приняты во внимание судом апелляционной инстанции. При таких обстоятельствах из приговора суда подлежит исключению ссылка на показания свидетеля в части обстоятельств совершенных В. преступлений, ставших ему известными в ходе опроса осужденного»¹⁰.

Следовательно, главным выступает требование позиций конституционного содержания на предмет соблюдения требований допустимости в качестве доказательств. Именно поэтому во исполнение данных процессуальных правил суды приводят обоснование использования оперативных объяснений наряду с другими доказательствами по уголовному делу. Например, на стадии возбуждения уголовного дела подсудимый признавал свою вину, что подтверждается «показаниями допрошенных в судебном заседании свидетелей – сотрудника полиции Свидетель № 1 и дознавателя ФИО9, содержанием письменного объяснения ФИО2 от ДД.ММ.ГГГГ и протокола его допроса в качестве подозреваемого от ДД.ММ.ГГГГ подтверждается, что указанные письменное объяснение и протокол допроса были составлены исключительно со слов

¹⁰ Суд признает недопустимыми доказательствами протоколы пояснений, объяснений и опроса, составленные представителями обвинения в отсутствие защитника : определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 6 июля 2021 г. № 77-2299/2021 // pravo163.ru : сайт. URL: <https://pravo163.ru/opredelenie-pervogo-kassacionnogo-suda-obshhej-yurisdikcii-ot-06-07-2021-po-delu-77-2299-2021> (дата обращения: 30 декабря 2025 г.).

самого ФИО2, без какого-либо воздействия на него со стороны, в условиях разъяснения ему всех процессуальных прав, в том числе права отказаться свидетельствовать против самого себя в соответствии со ст. 51 Конституции РФ, права пользоваться услугами адвоката и права приносить жалобы на действия (бездействие) и решения органов предварительного расследования в порядке, установленном главой 16 УПК РФ. Допрос ФИО2 был проведен с участием его защитника. Кроме того, при опросе ФИО2, а при проведении допроса – также и его защитнику была предоставлена возможность ознакомиться с его письменным объяснением и протоколом допроса, которые сам он и его защитник после ознакомления подписали без каких-либо замечаний к их содержанию»¹¹.

Кроме того, судебная практика такова, что суды учитывают признательные объяснения, данные на стадии проверки сообщения о совершенном преступлении в качестве смягчающего вину обстоятельства, наряду с возмещением имущественного ущерба, причиненного преступлением: «на основании ч. 1 ст. 61 Уголовного кодекса Российской Федерации учитывает его активное способствование раскрытию и расследованию преступления, что выразилось в том числе в даче признательных объяснений на стадии возбуждения уголовного дела. Таким же обстоятельством на основании п. «к» ч.1 ст. 61 Уголовного кодекса Российской Федерации суд учитывает иные действия ФИО1, направленные на заглаживание имущественного ущерба»¹².

В то же время суды указывают и на факты, когда сведения, относящиеся к факту содеянного, наиболее подробно изложены не в первоначальных объяснениях, данных при проверке сообщения о готовящемся преступлении, а в последующем допросе свидетеля: «ФИО4 № 3 на предварительном следствии и в суде по сравнению с их первоначальными письменными объяснениями обусловлена более подробным допросом указанных лиц на стадии предварительного расследования и в суде по сравнению с их опросом сотрудниками полиции на стадии возбуждения уголовного дела. При этом указанные выше доказательства не содержат каких-либо взаимоисключающих сведений»¹³. Отметим проверочный характер объяснений при анализе уголовного дела, о котором мы писали ранее. Напомним, что отдельные авторы в объяснениях видят ресурс проверочного характера, поскольку очень важное значение при расследовании уголовного дела имеет достоверность доказательств.

Однако имеет место достаточно спорное обстоятельство: как оценивать объяснения, данные при явке с повинной. Причем явка с повинной рассматривается в качестве добровольного сообщения о совершенном преступлении, является самостоятельным поводом для возбуждения уголовного дела (ст. 142 УПК РФ). В такой ситуации объяснения оцениваются в качестве доказательства, но при условии, если на

¹¹ Приговор Фатежского районного суда № 1-31/2020 от 18 мая 2020 г. по делу № 1-31/2020 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/glzBuHFmP46V/?regular-txt> (дата обращения: 30 декабря 2025 г.).

¹² Приговор Верхнеуфалейского городского суда № 1-66/2019 от 22 мая 2019 г. по делу № 1-66/2019 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/1P2ks7K0e7ZO/> (дата обращения: 30 декабря 2025 г.).

¹³ Приговор Брасовского районного суда № 1-26/2018 от 29 мая 2018 г. по делу № 1-26/2018 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/2ieTWyFhIOre/> (дата обращения: 30 декабря 2025 г.).

данном этапе лицу было обеспечено право на защиту, следовательно, при соблюдении данной конституционной гарантии есть все основания для придания явке с повинной и изложенными в объяснении сведениями признательного характера, смягчающим вину доказательством: «В качестве обстоятельств, смягчающих наказание ФИО1, суд учитывает признание им вины и раскаяние в содеянном, объяснения подсудимого до возбуждения уголовного дела в качестве явки с повинной, его активное способствование раскрытию и расследованию преступления, выразившееся в изобличении себя путем последовательных показаний об обстоятельствах совершенного деяния»¹⁴.

Так, можем рассуждать целесообразности принятия единого кодекса оперативно-розыскной деятельности, который бы регламентировал использование результатов оперативно-розыскной деятельности». Мы поддерживаем авторов, которые справедливо полагают, что «использование результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве закономерно и неизбежно, без этого невозможно проведение эффективного расследования и решение задач судопроизводства. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности, с учетом ее задач и принципов осуществления, не нарушает конституционных прав и свобод человека и гражданина. Вместе с тем уголовно-процессуальный порядок использования указанных результатов нуждается в более продуманном и четком регулировании, скоординированности положений УПК РФ и закона об оперативно-розыскной деятельности. Все это требует серьезных и дополнительных научных разработок как в уголовно-процессуальной науке, так и в науке оперативно-розыскной деятельности. Эти разработки требуют разрешения важнейших научных вопросов, особенно тех, где имеются различные подходы с целью выработки единых подходов, отвечающих, в первую очередь, конституционным положениям» [8, с. 100].

На основании изложенного мы можем полагать, что объяснения, данные на стадии возбуждения уголовного дела, при проверке сообщения о совершенном или готовящемся преступлении, оцениваются судами в качестве доказательств, но при условии их непротиворечивости последующему процессуальному действию – допросу, а также и другим доказательствам по уголовному делу, поэтому мы в определенной степени поддерживаем тех авторов, которые подчеркивают необходимость законодательной регламентации такого свойства доказательств, как непротиворечивость. Возможно, данное свойство имеет смысл рассматривать в рамках оценки сведений на предмет их достоверности, но, учитывая, что объяснения допустимы при соблюдении в процессе опроса конституционных гарантий, они должны быть правдивыми, закладывая их основу презумпцию истинности, все последующие доказательства должны формироваться в своей совокупности в единую воссозданную в ретроспективе картину произошедшего в прошлом преступного деяния. И все же, возвращаясь к содержанию концепции внутреннего убеждения судьи, к свободе судейского усмотрения, сталкиваемся с еще одной проблемой: в чем видится эта свобода, если закон ставит суд в рамки формализованных источников доказательств? В этой связи нам видится необходимым расширить содержание ч. 2 ст. 74 УПК РФ словосочетанием «иные сведения», что

¹⁴ Приговор Первомайского районного суда г. Мурманска № 1-182/2025 от 23 июня 2025 г. по делу № 1-182/2025 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/BWYclFkzynNr/> (дата обращения: 13 ноября 2025 г.).

позволит судьям по отдельным категориям уголовных дел, в свете своего личного профессионального усмотрения, придавать сведениям по уголовному делу процессуальную силу доказательств. В зависимости от конкретной ситуации, в случае, если не нарушены конституционные права участников, причастных к оперативно-розыскным мероприятиям, судья имеет право признать сведения, не перечисленные в перечне формальных источников в качестве доказательств. Тогда должно придаваться серьезное значение обоснованности признания объяснений в качестве доказательства, то есть судам целесообразно в мотивировочной части приговора прописывать, на каком основании, в связи с какими доказательствами по уголовному делу суд может признать сведения, данные в порядке опроса, в качестве доказательства. В такой ситуации идея «иных доказательств» может приобрести возможности реализации в практической деятельности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Азарова Е. С. Судейское усмотрение – перманентный правовой эксперимент // Юридическая техника. 2025. № 19. С. 547–548.
2. Гольцов А. Т. Возбуждение уголовного дела и «доследственные» проверки в российском уголовном судопроизводстве // Евразийская адвокатура. 2021. № 3 (52). С. 47–57.
3. Хрестоматия по истории отечественного государства и права / под ред. В. А. Томсинова. М.: Зарцало, 1998. 376 с.
4. Шашин Д. Г. О соблюдении законности при представлении результатов оперативно-розыскной деятельности оперативными подразделениями уголовно-исполнительной системы // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2023. № 2 (51). С. 56–62.
5. Хусаинов Р. Р. Некоторые проблемные вопросы организации и проведения оперативно-розыскного мероприятия «опрос» // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2025. № 1 (21). С. 83–90.
6. Брянская Е. В. К вопросу процессуальной силы оперативно-розыскной информации в доказывании по уголовным делам коррупционной направленности // Российский следователь. 2024. № 11. С. 52–56.
7. Шалумов М. С. Использование материалов, собранных до возбуждения уголовного дела, в качестве доказательств // Уголовный процесс. 2005. № 3. С. 30–35.
8. Евдокимова Т. В. К вопросу об использовании результатов оперативно-розыскной деятельности в процессе доказывания по уголовному делу // Уголовное судопроизводство России: проблемы и перспективы развития : мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. (г. Санкт-Петербург, 24 ноября 2017 г.). СПб. : Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2017. С. 96–100.

REFERENCES

1. Azarova E. S. Sudejskoe usmotrenie – permanentnyj pravovoj eksperiment [Judicial discretion – a permanent legal experiment]. YUridicheskaya tekhnika – Legal technique. 2025, no. 19, pp. 547-548. (In Russ.).
2. Goltsov A. T. Vozbuzhdenie ugovolnogo dela i «dosledstvennyye» proverki v rossijskom ugovolnom sudoproizvodstve [Initiation of a criminal case and "pre-investigation" checks in Russian criminal proceedings]. Evrazijskaya advokatura – Eurasian Advocacy. 2021, vol. 52, no. 3, pp. 47-57. (In Russ.).

3. Tomsinov V. A. (by ed.) Hrestomatiya po istorii otechestvennogo gosudarstva i prava [Reader on the History of the Russian State and Law]. Moscow, 1998, 299 p. (In Russ.).

4. Shashin D. G. O soblyudenii zakonnosti pri predstavlenii rezul'tatov operativno-rozysknoj deyatel'nosti operativnymi podrazdeleniyami ugovolno-ispolnitel'noj sistemy [On Compliance with the Law in the Presentation of the Results of Operational-Investigative Activities by Operational Units of the Criminal-Executive System]. Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii – Vestnik of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023, vol. 51, no. 2, pp. 56-62. (In Russ.).

5. Khusainov R. R. Nekotorye problemnye voprosy organizacii i provedeniya operativno-rozysknogo meropriyatiya «opros» [Some problematic issues of organizing and conducting the operational-search measure "survey"]. Obshchestvo, pravo, gosudarstvennost': retrospektiva i perspektiva – Society, law, statehood: retrospective and prospect. 2025, vol. 21, no. 1, pp. 83-90. (In Russ.).

6. Bryanskaya E. V. K voprosu processual'noj sily operativno-rozysknoj informacii v dokazyvanii po ugovolnym delam korrupcionnoj napravlenosti [On the Procedural Force of Operational-Investigative Information in Evidence in Criminal Cases Related to Corruption]. Rossijskij sledovatel' – Russian Investigator. 2024, no. 11, pp. 52-56. (In Russ.).

7. Shalunov M. S. Ispol'zovanie materialov, sobrannyh do vozbuzhdeniya ugovolnogo dela, v kachestve dokazatel'stv [Use of Materials Collected Before the Initiation of a Criminal Case as Evidence]. Ugolovnyj process – Criminal Procedure. 2005, no. 3, pp. 30-35. (In Russ.).

8. Evdokimova T. V. [On the issue of using the results of operational-search activities in the process of proving in a criminal case] Ugolovnoe sudoproizvodstvo Rossii: problemy i perspektivy razvitiya : materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii, Sankt-Peterburg, 24 noyabrya 2017 goda [Criminal proceedings in Russia: problems and development prospects: materials of the All-Russian scientific and practical conference, St. Petersburg, 24 November 2017]. St. Petersburg, 2017, pp. 96-100. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Брянская Елена Васильевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса. Санкт-Петербургский университет МВД России, 198206, г. Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилютова, 1.

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Bryanskaya Elena Vasilievna, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor, Department of Criminal Procedure. St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 1 Letchika Pilyutova St., St. Petersburg, 198206.

Статья поступила в редакцию 12.02.2026; одобрена после рецензирования 16.03.2026; принята к публикации 23.04.2026

The article was submitted 12.02.2026; approved after reviewing 16.03.2026; accepted for publication 23.04.2026.